

Цинь Шу, стараясь не обращать внимания на странные взгляды двух ассистентов, уверенно направился к лифтам.

Однако Ци Юань заметил скованность в его движениях, и досада, которую он с трудом подавлял, тут же улетучилась. Не забыв прихватить оставленную на столе ложку, он бросил её своему ассистенту.

Ван Сяося неуклюже поймала предмет и с недоумением посмотрела на изображение на коробке.

— Юань-гэ, ты теперь и столовые приборы с собой носишь? — она помнила, что раньше у него не было брезгливости.

Ци Юань махнул рукой.

— Сохрани её хорошенько. Это залог любви, подаренный мне Цинь Шу.

— Что? Просто ложка?

Ван Сяося и Мэн Ши переглянулись. По выражению глаз коллеги она поняла, что не ослышалась. Ей стало не по себе. Что она успела пропустить всего за одну ночь?

В её голове, привыкшей к сплетням, роились догадки, но она никак не могла понять, при чём здесь залог любви. Неужели Юань-гэ шутит?

Идущий впереди Цинь Шу внезапно остановился и обернулся к Ци Юаню, встретившись с его насмешливым взглядом, полным озорства.

Увидев растерянное лицо Цинь Шу, Ци Юань игриво ему подмигнул. Выражение его лица было донельзя самодовольным.

Цинь Шу на мгновение крепко зажмурился, словно пытаясь отгородиться от только что прозвучавших слов.

Ци Юань подумал, что тот рассердился. От Цинь Шу веяло аурой аскетизма, он не был похож на человека, который любит шутить. Ци Юань на мгновение задумался, не перегнул ли он палку. Но, увидев, что Цинь Шу стоит на месте, понял — тот просто его ждёт.

Лицо Ци Юаня расплылось в улыбке, и он быстрым шагом подошёл к нему.

Только когда Ци Юань поравнялся с ним, Цинь Шу снова двинулся вперёд.

Ци Юаню казалось, что он видит смущение, скрытое за холодной маской Цинь Шу, и это его забавляло. Он шёл так близко, что почти прижимался к нему, готовый буквально прилипнуть. Эта навязчивость была невыносима.

Цинь Шу слегка отстранился.

— Иди нормально, следи за своим поведением.

Ци Юань, склонив голову, посмотрел на его суровое лицо.

— Я не специально, — беззаботно ответил он. — К тому же, ты мой парень. Что плохого в том, что я хочу быть к тебе ближе? Это вполне естественно.

«Так он и правда его парень!» — мысленно воскликнула Ван Сяоя.

Теперь, глядя на две высокие фигуры впереди, она уже не чувствовала азарта сплетницы. Когда её назначили ассистентом Ци Юаня, Мэн Сяо предупредил её, чтобы она защищала личную жизнь артиста, меньше говорила и больше делала. Тогда она подумала, что это обычное протокольное наставление.

Лишь проработав с Ци Юанем несколько лет, она начала замечать некоторые детали. Несмотря на то, что она, как и все, с интересом следила за его многочисленными романами, в глубине души ей было его жаль.

Сколько бы ни было в прессе «доказательств» их страсти, ничто из этого не было правдой. Никто не знал этого лучше неё. В этом мире славы и денег Юань-гэ было невероятно трудно найти человека, который отнёсся бы к нему искренне.

Последние два года она замечала в нём подавленное желание и смутно догадывалась, что он ищет себе пару.

Для неё, хорошо знающей Ци Юаня, это было очевидно. Обычно он вёл себя вызывающе и флиртовал со всеми подряд, но, когда встречал кого-то, кого рассматривал всерьёз, становился сдержанным. Эта осторожность была ему несвойственна.

Возможно, счастье не даётся легко. Несколько его попыток завязать отношения закончились ничем. Наверное, правду говорят: «Сердце ловеласа чисто».

Ван Сяоя иногда даже думала, что Ци Юань так и останется порхающей бабочкой, перелетающей с цветка на цветок.

И вот теперь, когда Юань-гэ сделал этот шаг, ей было немного грустно, но ещё больше она радовалась за него.

— Сяося-цзе, ты чего плачешь?

Низкий голос Мэн Ши раздался над головой. Ван Сяося сначала посмотрела на идущих впереди, и, убедившись, что они ничего не заметили, яростно взглянула на Мэн Ши и беззвучно прошептала: «Заткнись!»

Внимание Ци Юаня было полностью поглощено Цинь Шу, он даже не замечал двух ассистентов позади. Коридор отеля был широким, но Ци Юаню хотелось быть как можно ближе. Ему слишком нравился запах, исходивший от Цинь Шу. Он успокаивал его смятённую душу. Одна мысль о том, что этот человек — его парень, делала его похожим на самый спелый плод на высокой ветке, сладкий до самой косточки.

Цинь Шу вскоре оказался прижатым к стене. Он вспомнил, что в детстве из-за недоразвитого вестибулярного аппарата Ци Юань часто ходил криво, налетая на людей. Сердце наполнилось нежностью. Длинной рукой он обнял его за плечи, уводя от стены.

Ци Юань посмотрел на изящные пальцы, лежавшие на его плече. Длинные ресницы дрогнули, словно крылья бабочки, готовой взлететь.

Вскоре они подошли к лифту. Там уже ждали другие люди. Цинь Шу хотел было убрать руку, но, увидев, кто это, тут же передумал. Он не только не отстранился, но и прижался к Ци Юаню ещё теснее.

Ци Юань почувствовал, как источник тепла отдалился и снова приблизился. В его глазах заплясали весёлые искорки. «Я ему определённо нравлюсь!»

Настроение у Ци Юаня было прекрасным. Он поздоровался с Сяо Цяньфэном.

— Доброе утро!

Сяо Цяньфэн скользнул взглядом по человеку рядом с Ци Юанем и по руке, лежавшей на его плече. Разве Ци Юань не любил только флиртовать? Судя по всему, здесь всё было по-настоящему.

Он поздоровался с ними и поддразнил:

— Не ожидал, что господин Ци так быстро сойдётся с господином Цинь.

Улыбка не сходила с лица Ци Юаня.

— Это судьба, ничего не поделаешь.

Услышав это, Сяо Цяньфэн задумался. Был ли это намёк или прямое заявление? Пока он размышлял над словами Ци Юаня, доселе молчавший молодой человек произнёс:

— Господин Сяо, здравствуйте. Я парень Ци Юаня.

«Опа!»

Сяо Цяньфэн мысленно ахнул. Душа сплетника в нём вспылала. Так они действительно пара?!

Неудивительно, что Цинь Шу тогда так на него посмотрел. Этот леденящий, собственнический взгляд...

Сяо Цяньфэн предположил, что всё дело во вчерашних фотографиях, которые разлетелись по сети. Но для Ци Юаня это было в порядке вещей. Неужели этот человек видел в нём соперника?

Господин Цинь явно его переоценивал. С таким, как Ци Юань, обычный человек не справится. Он был бы полным идиотом, если бы ввязался во что-то, выходящее за рамки рабочих отношений.

Да и сам Ци Юань, скорее всего, не обратил бы на него внимания.

Когда-то один недоумок решил создать себе образ влюблённого в Ци Юаня, всячески пытаясь привлечь его внимание и признаваясь в любви. В итоге его карьера рухнула на самое дно.

Причина провала была не в том, что Ци Юань что-то сказал. Просто на того парня вылили столько компромата, откопав все его старые грехи, что он был уничтожен.

Именно тогда все поняли: хайпом Ци Юаня можно пользоваться, но лишь слегка. Попытка привязать его к себе была равносильна самоубийству. А уж строить карьеру, разыгрывая с ним роман, — всё равно что рыть себе могилу.

И вот этот Ци Юань, за которым следили все, действительно влюбился. Вероятно, как только новость просочится, каждая мелочь их отношений будет рассматриваться под микроскопом. Цинь Шу казался человеком сдержанным и замкнутым. Кто знает, как долго он выдержит давление общественности.

Сяо Цяньфэн не верил в их роман. Ци Юань был слишком ветреным. Его страсть вспыхивала и гасла так же быстро. Было бы странно, если бы он смог спокойно строить с кем-то отношения.

Мысли Сяо Цяньфэна метались, но, будучи человеком, повидавшим многое в индустрии, он сумел сохранить внешнее спокойствие. Он взглянул на ассистентов Ци Юаня и увидел на их лицах лишь оцепенение после шока. Очевидно, их процессоры перегорели.

Сяо Цяньфэн окончательно запутался.

Двери лифта открылись. Все вошли внутрь и поднялись на третий этаж в ресторан, где отель предлагал бесплатный и разнообразный завтрак.

Ци Юань и Цинь Шу сели за столик в углу, но это не спасло их от любопытных взглядов.

Цинь Шу обвёл взглядом присутствующих, и те поспешили отвести глаза. Он понимал, что это временная мера. Ци Юань — знаменитость, и избежать внимания публики невозможно. Цинь Шу был к этому готов.

Всё, что он мог сделать, — это стараться не обращать внимания.

— Ци Юань, тебе варёное яйцо или яичницу?

Ци Юань указал на варёные яйца. В подростковом возрасте он быстро рос, но ему не хватало полноценного питания. В то время, гордый и несгибаемый, он ещё не научился прогибаться, и часто голодал.

Тогда высшим наслаждением для него была сытость. Однажды, когда тётки не было дома, он сварил все восемь яиц из корзины и съел их залпом. Ощущение полного желудка принесло ему невероятное удовлетворение.

Когда тётка вернулась, она ткнула пальцем ему в нос и обозвала «неудачником» и «неблагодарным волчонком», крича, что он беззастенчиво ворует.

Ци Юань не обращал внимания на её ругань. Ему было всё равно, ведь от слов кусок мяса на тарелке не появится. Когда ты голоден, тебе нет дела до стыда и чести.

Теперь он мог позволить себе любые деликатесы, но по-прежнему любил то чувство удовлетворения, которое приносили ему простые варёные яйца.

Он посмотрел на Цинь Шу. Возможно, теперь его вкусы изменятся.

Цинь Шу вытер руки. Одним лёгким движением он раздавил розовую скорлупу и, едва заметным движением пальцев, очистил гладкое, нежное яйцо.

Ци Юань, глядя на упругий, соблазнительный белок, с усмешкой произнёс:

— Какие у тебя ловкие руки. Ты всё так же умело... очищаешь?

Рука Цинь Шу дрогнула, и палочки для еды упали на пол. Он наклонился, чтобы поднять их.

— Я возьму другие.

Глядя на его поспешные шаги и покрасневшие уши, Ци Юань подумал: «И это всё? Какой невинный».

За время завтрака новость о том, что Ци Юань и Цинь Шу вместе, разлетелась со скоростью света. Все, кто должен был знать, уже знали. И, начиная с киногруппы, слух стал распространяться по личным связям.

Однако развитие событий оказалось комичным. Чем шире распространялся слух о романе Ци Юаня, тем меньше в него верили.

В конце съёмочного дня, когда небо уже было усыпано звёздами, Ван Сяося, с трудом сдерживая смех, отправила ему ссылку на популярную статью.

Ци Юань, увидев заголовок «Десять главных обманов года», сначала ничего не понял. Но когда он открыл статью, его лицо исказилось. На первом месте в списке красовалось: «У Ци Юаня действительно есть отношения».

В статье подробно, с анализом карьеры Ци Юаня, его публичного образа и связанных с ним финансовых интересов, доказывалось, почему у него ни в коем случае не может быть настоящего романа.

Уголки губ Ци Юаня дёрнулись.

— Это что, обратная сторона моей же популярности? — он машинально нажал кнопку «Пожаловаться» с пометкой «Мошенничество с контентом».

Цинь Шу, приехавший за ним, увидел его понурое лицо, а затем, взглянув на экран, едва заметно усмехнулся.

Ци Юань обиженно моргнул.

— Цинь Шу, моё самолюбие уязвлено. На миллиард очков.

— Опять дурачишься, — спокойно ответил Цинь Шу.

Ци Юань притворился рассерженным.

— Я так расстроен, а тебе всё равно?

Цинь Шу, видя его притворство, которое не шло ни в какое сравнение с актёрской игрой, решил подыграть. Он покачал головой.

— Я просто вспомнил одну притчу.

Такой резкий переход сбил Ци Юаня с толку.

— Какую?

Цинь Шу, едва шевеля губами, произнёс три слова:

— Мальчик и волки.

Ци Юань холодно усмехнулся.

— Тогда я покажу тебе, как я умею чинить загон.

В его глазах блеснул огонёк, и у Цинь Шу вдруг возникло нехорошее предчувствие.

Ци Юань взял руку Цинь Шу.

— Не возражаешь, если я сделаю фото?

Встретившись с его взглядом, в котором читалось «попробуй только отказаться», Цинь Шу не посмел возразить.

Ци Юань, довольный его сговорчивостью, достал телефон и сделал снимок. Посмотрел, остался недоволен, сменил несколько ракурсов и сделал ещё целую серию фотографий.

В итоге он выбрал снимок, на котором их пальцы были переплетены, наложил фильтр и опубликовал на платформе «Синий кот».

В ту же секунду появились комментарии.

[Это что, новый способ пиара?]

[Готовитесь к съёмкам в рекламе?]

[Кольца, часы, кто следующий?]

[Парные кольца, парные часы]

[Э-э... может быть... официальное объявление?]

[Ха-ха]

[Ха-ха-ха]

[Новенький, да? Официальное объявление? Невозможно]

...

Ци Юань потерял дар речи. Неужели никто не мог поверить, что он действительно влюбился?

Он выглядел расстроенным, в то время как человек рядом с ним едва сдерживал смех.

Ци Юань попытался найти в комментариях хоть какую-то поддержку. Это было похоже на поиски иголки в стоге сена. Следуя принципу «увидел — не проходи мимо», он лайкал каждый такой комментарий.

Цинь Шу, видя, что он без конца скроллит, впившись взглядом в экран, просто взял его телефон, выключил его и спросил:

— Идём?

Ци Юань посмотрел на протянутую ему руку и, забыв о неблагодарных фанатах, вложил свою ладонь в ладонь Цинь Шу. Он почувствовал, как его пальцы обхватили его, и на губах появилась улыбка.

Ван Сяоя, ставшая свидетелем этой сцены, превратилась в бездушную машину по поглощению милоты. И пока что она работала в автономном режиме.

Но, зная влияние Юань-гэ, она была уверена, что скоро у неё появятся многочисленные единомышленники. Она надеялась, что фанаты проявят к Юань-гэ больше снисхождения и любви.

Дорога до отеля была недолгой, меньше семи километров. Мэн Ши завёл машину. Ци Юань нажал на кнопку, и перегородка между водителем и пассажирами поднялась, отрезая их от переднего сиденья.

Ци Юань прислонился к плечу Цинь Шу. Мягкие волосы коснулись его уха, вызывая лёгкую прохладу и щекотку.

Его длинные ноги были вытянуты, край рубашки задрался, и при каждом вдохе становилась видна полоска тонкой талии. Изящный изгиб в мерцающем свете фонарей выглядел на удивление соблазнительно. Цинь Шу отвёл взгляд и включил маленькую лампочку, развеяв едва зародившуюся интимную атмосферу.

Ци Юань, обхватив руку Цинь Шу, даже не заметил его странного поведения. Знакомый электрический разряд пробежал по месту их соприкосновения. Он полностью расслабился и с долгим вздохом произнёс:

— Цинь Шу, ты как зарядное устройство.

Ци Юань сказал это невпопад, но Цинь Шу понял, что он имел в виду.

Сравнение было довольно точным.

Цинь Шу слегка повернулся, чтобы ему было удобнее опираться.

Ци Юань удовлетворённо потёрся о его плечо. Он был совершенно расслаблен и лениво заговорил на первую попавшуюся тему:

— Ты весь день наблюдал за съёмками. Проблем не будет? Учитель Цюй не рассердится?

Цинь Шу взглянул на него. По его лицу не было похоже, что он беспокоится о гнев учителя Цюй.

Ци Юань, казалось, любил говорить одно, а думать другое. Цинь Шу решил его поддразнить:

— Тогда завтра я не приду смотреть на съёмки.

Ци Юань обернулся и посмотрел на него своими ясными, чистыми глазами.

— Ты серьёзно? — в его голосе слышались упрёк и разочарование.

Боясь, что его мнительность возьмёт верх, Цинь Шу отбросил шутливый тон.

— Шучу. Наблюдать за тобой — тоже часть моей работы.

Ци Юань действительно не совсем понимал, в чём заключается работа Цинь Шу. Учитель Цюй был художественным руководителем съёмочной группы, у него была своя слаженная команда, и художник по персонажам, как Цинь Шу, казался лишним.

Видя его любопытство, Цинь Шу объяснил. Съёмки фильма проходят фрагментарно, и важно сохранить общую гармонию и естественность. Трансформация характера персонажа — одна из важнейших составляющих.

Развитие сюжета влияет на героев, вызывая в них едва уловимые изменения. В этот момент важны не только операторская работа и актёрская игра, но и правильная работа костюмеров, гримёров и реквизиторов.

Он должен наблюдать за персонажами в кадре, следить, чтобы их внешний вид соответствовал сюжету, и рисовать эскизы для каждого поворотного момента, которые послужат ориентиром для гримёров и стилистов.

Ци Юань всё понял. Обычно этот этап был ответственностью гримёров и костюмеров, а режиссёр вносил коррективы уже во время съёмок. Теперь же появился дополнительный шаг: Цинь Шу заранее рисовал воображаемый образ, который затем утверждался режиссёром и стилистами, и только после этого начинались съёмки.

— Так это просто выпуск сувенирной продукции к фильму заранее?

— Можно и так сказать, — согласился Цинь Шу. Это был вопрос из серии «что было раньше — курица или яйцо».

Любопытство взяло верх.

— Ну и что ты заметил за день?

Задавая этот вопрос, Ци Юань и не думал, что Цинь Шу мог за один день что-то выяснить. Но когда тот показал ему эскизы, Ци Юань понял, что недооценил его.

Искусство живописи и киноискусство — это разные вещи, но некоторые люди, кажется, рождены, чтобы ломать стены. Стоит им только захотеть, и они могут освоить что угодно.

Ци Юань смотрел на графический планшет в своих руках и на мгновение растерялся.

Цинь Шу, подумав, что тот не умеет им пользоваться, показал, как это делается.

Ци Юань провёл пальцем по экрану.

— Не думал, что ты рисуешь на этом.

— Так удобнее.

— Просто мне кажется, что твоим рукам больше подходит кисть, — Ци Юань и сам не знал, почему так подумал. Но, с другой стороны, если бы Цинь Шу таскал с собой мольберт, он бы, наверное, сгорел со стыда.

Цинь Шу опустил глаза, а затем взглянул на уголки губ Ци Юаня. Показатели на «барометре» были стабильны. Цинь Шу не знал, радоваться ему или огорчаться.

Ци Юань не был «исполнителем», откуда ему помнить прошлую жизнь?

В машине на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием шин по асфальту. Огни придорожных фонарей заглядывали в окна и тут же оставались позади.

Ци Юань, ничего не замечая, листал эскизы Цинь Шу. Сегодня тот нарисовал лишь несколько набросков.

— Почему ты рисуешь только меня?

— Не хочу рисовать других, — равнодушно ответил Цинь Шу.

Ответ был на удивление честным. Уголки губ Ци Юаня поползли вверх.

— Сяо Цинь-гэгэ, так ты нарушаешь свои обязанности, — поддразнил он.

Цинь Шу увидел в его глазах радость.

— Не волнуйся, я договорился с учителем Цюй. К тому же, ты сам сказал, что этому фильму художник не нужен.

Ци Юаню стало немного неловко.

— Независимо от того, использует ли режиссёр твои эскизы, мне очень нравится, когда ты меня рисуешь.

И неудивительно. Под кистью Цинь Шу его образ был настолько ярким, что всё вокруг превращалось в фон.

Главный герой, конечно, должен быть в центре внимания, но если в фильме блистает только он один, то фильм, несомненно, провальный. Важные персонажи не должны становиться декорациями.

Цинь Шу уловил в словах Ци Юаня нотки утешения.

— Я пришёл в съёмочную группу не ради работы.

Такие слова от Цинь Шу были полной неожиданностью. Ци Юань решил воспринять их как признание в любви, и его сердце наполнилось сладостью, словно его окунули в мёд.

Половина пути была позади. Ощущение лёгкого покалывания прошло, но Ци Юань, словно зарядившееся солнцем, расслабился ещё больше.

Он снова пролистал эскизы и заметил нечто особенное. Он в исполнении Цинь Шу сильно отличался от своего экранного образа. Глядя на рисунки, возникало... желание защитить?

Это был совсем не Ли Паньшань.

«Так вот каким он меня видит?»

Ци Юань вспомнил характеристику, данную Цинь Шу в документах.

— Что за стиль такой — магический реализм? Нарисуй, покажи! — с любопытством попросил он.

Цинь Шу взял планшет, вынул из паза стилус и уверенно начал выводить линии.

Уже через несколько штрихов Ци Юань понял, что главным героем рисунка снова был он. Он вспомнил, что, согласно документам, Цинь Шу любил рисовать только природу, а теперь его эскизы были полны его образов. Он действительно был для Цинь Шу особенным.

Ещё большее удовлетворение ему принесли слова Цинь Шу о том, что он не хочет рисовать других. Мысль о том, что Цинь Шу — его личный, эксклюзивный художник, наполняла его сердце тёплым, нежным чувством.

Когда Цинь Шу рисовал, его рука двигалась почти без остановки, и простые линии постепенно наполнялись жизнью.

Вскоре Ци Юань переключил всё своё внимание на самого Цинь Шу. Во время работы от Цинь Шу исходила особая аура, словно весь мир вокруг замирал. Это было куда притягательнее, чем любой рисунок. Ци Юань смотрел на него, заворожённый.

Поглощённый созерцанием Цинь Шу, Ци Юань не заметил, как пролетело время. С того момента, как Цинь Шу взял в руки стилус, прошло всего пять минут. За пять минут даже поесть не успеешь, а он за это короткое время создал целую картину. Ци Юань не мог себе такого даже представить.

Всё изображение было выполнено простыми штрихами. Увидев конечный результат, Ци Юань сначала был поражён фоном: густой туман расстилался за спиной главного героя, и в этом тумане шевелилось нечто, смутно угадывались костлявые пальцы. Туман был совсем близко, казалось, ещё мгновение — и он поглотит человека, затянув его во тьму. В центре картины — высокая, худая фигура. Герой, казалось, не замечал опасности за спиной, или ему было всё равно. А на пути его ждали бесчисленные глаза — злые, выжидающие, обеспокоенные, равнодушные, сочувствующие. Картина производила мощное, шокирующее впечатление.

Это был Ли Паньшань. Ли Паньшань, окружённый туманом и опасностями, но упрямо идущий вперёд!

Ци Юань смотрел на планшет размером с ладонь, и его душа трепетала. А если бы это был большой постер...

И это был лишь незаконченный эскиз.

— Я беру свои слова обратно. Если продюсер увидит этот рисунок, он, наверное, проснётся от смеха во сне, — искренне восхитился Ци Юань.

Цинь Шу, видя, что ему нравится, не удержался. Он взял планшет и одним нажатием применил функцию автозаливки и водяных бликов. Чёрно-белые цвета мгновенно стали яркими, а изображение — искажённым. Ци Юань смотрел на новую картину, не в силах оторвать глаз.

Его догадка подтвердилась. Чёрно-белой палитре Ци Юань определённо предпочитал преувеличенно-творческие, яркие и смелые работы.

Предпочтения в цвете многое говорят о характере человека. Люди, которым нравятся сильные цветовые контрасты, как правило, подавляют свои чувства или живут в эмоционально бедной среде, поэтому им требуется стимуляция для обострения ощущений и эмоций.

Кто бы мог подумать, что Ци Юань, сияющий в свете софитов и обожаемый миллионами, на самом деле так нуждается в любви?

Думая о судьбе Ци Юаня, Цинь Шу почувствовал острую жалость.

Движимый этим чувством, он инстинктивно взял руку Ци Юаня. Тепло его ладони мгновенно вернуло Ци Юаня в реальность. Искусство, толпа — всё отошло на второй план. Все его чувства сосредоточились на их сплетённых руках, и сердце его воспарило, словно в облаках.

По просьбе Ван Сяоя Мэн Ши вёл машину медленно, почти черепашьим шагом. Но дорога была короткой, и рано или поздно ей суждено было закончиться.

Машина въехала на улицу Цзинъян. До отеля оставалось совсем немного. Ци Юань опустил перегородку.

— Останови у обочины, — сказал он Мэн Ши.

Машина плавно притормозила.

Ци Юань открыл дверь и приглашающе произнёс:

— Парень, как насчёт того, чтобы пройтись остаток пути пешком?

Цинь Шу взглянул на двух наостривших уши ассистентов впереди. Мэн Ши тут же отвёл взгляд и уставился на приборную панель, словно видел её впервые.

Когда они вышли, Мэн Ши спросил у Ван Сяоя:

— Сяося-цзе, нам за ними?

Ван Сяося бросила на него испепеляющий взгляд.

— Камень, ты знаешь, почему люди не любят «третьих лишних»?

Мэн Ши покачал головой.

— Потому что они слишком яркие и портят атмосферу. Понял?

Мэн Ши кивнул.

Ван Сяося смотрела на идущих впереди, держащихся за руки. В свете луны их тени вытянулись, сливаясь в одну.

<http://bllate.org/book/16121/1588880>